

§3 ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Карпов В. А.

О КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СВЯЗИ С ОСНОВНЫМИ КОНЦЕПЦИЯМИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является исследование модели закрепления принципа правового государства в Конституции Российской Федерации 1993 г. в ракурсе взаимосвязи данной модели с основными концепциями правопонимания — позитивистской и либертарно-юридической. Автором обосновывается неодинаковость понимания правового государства в рамках каждой из этих концепций правопонимания, в связи с коренным различием взглядов их представителей на соотношение права и закона. При этом исследуются исторические аспекты выбора модели закрепления концепции правовой государственности в конституционных проектах начала 90-х гг. XX в., анализируется трансформация идеи правовой государственности от проекта к нормативному закреплению в рамках иной концепции правопонимания. Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания действительности, совокупность общенаучных (логического, восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении и т.д.) и частнонаучных методов познания (сравнительного правоведения, системно-структурного анализа, толкования закона и других). Выбранная же в конечном итоге конституционная модель закрепления концепции правового государства основывается на принципе законности, неукоснительного соблюдения Конституции и законов, безотносительно из субъективной оценки конкретным индивидом. Только такой подход отвечает целям установления стабильного правопорядка и создания реальных, а не декларируемых, гарантий прав и свобод человека и гражданина.
Ключевые слова: правовое государство, правовая государственность, концепции правопонимания, юридический позитивизм, либертарно-юридическая концепция правопонимания, верховенство права, законность, конституция, свобода, равенство.

Review. The subject of the study in the present article is the research on the model of reinforcement of the rule-of-law principle in the 1993 Constitution of the Russian Federation in the context of the interrelation of this model with the basic concepts of legal consciousness - positivist and libertarian-juristic. The author justifies different understandings of the rule-of-law state within the framework of each of these concepts of legal consciousness, in connection with critical distinctions in the views of the supporters of these concepts on the correlation between the state and the law. At that, the

article examines historical aspects of choosing the model of reinforcement of the rule-of-law state in the constitutional projects in the early 1990s, analyses transformation of the idea of the rule-of-law state from a draft to the regulatory reinforcement within another legal concept. Methodologically the research is based on the dialectic method, as well as general scientific (logical, ascension from abstract to particular, etc.) and particular scientific (comparative legal studies, systems-structural analysis, interpretation of law, etc.) methods. The final constitutional model of reinforcement of the rule-of-law state is based on the principle of legitimacy, strict compliance with the Constitution and laws, regardless of subjective evaluation of a certain person. Only this approach complies with the aims of establishing stable public order and creating real - not declared - guarantees of rights and freedoms.

Keywords: rule-of-law state, rule-of-law statehood, concepts of legal consciousness, legal positivism, libertarian-juristic concept of legal consciousness, rule of law, legitimacy, constitution, freedom, equality.

Конституция Российской Федерации является не только актом высшей юридической силы, но и ядром всей российской правовой системы. Ее значение распространяется далеко за рамки только лишь правового регулирования, и охватывает также правовое воздействие через механизмы правосознания и правовой культуры, мировоззренческую трансляцию общих правовых идей и принципов в рамках единого социокода каждому члену общества (в той мере, в какой он в состоянии их воспринять). Президент Российской Федерации В. В. Путин в приветствии участникам торжественного заседания палат Федерального Собрания и Совета законодателей, посвящённого 20-летию Конституции Российской Федерации, 9 декабря 2013 года отметил: «Конституция, провозгласив высочайший статус прав и свобод граждан, ценности федерализма и сильного государства, стала надёжным фундаментом для развития страны. Опираясь на Основной закон, на заложенные в нём объединительные идеи, мы уверенно прошли через непростые испытания, сохранили целостность страны и справились с острейшими вызовами времени, сформировали ключевые правовые, политические, экономические, общественные институты, которые определяют жизнь современной России»^[1].

В области воздействия на правовую сферу развития общества одна из важнейших политико-правовых концепций, которую аккумулирует действующая Конституция Российской Федерации, — это концепция правового государства. Однако, рассматривая современную конституционную модель закрепления принципа правового государства, не следует забывать, что текст Конституции не был октроирован нам «свыше», а был написан людьми, следовательно, несет отпечаток научного мировоззрения его авторов, отражает концепцию правопонимания, которой они руководствовались, имеет научное, а не только законотворческое измерение.

Не случайно в Указе Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки»^[2] подчеркивается, что

«государство, беря на себя перечисленные обязательства, выражает уверенность в том, что российское научное сообщество обеспечит научно-технические предпосылки для преобразования России в правовое государство с социально ориентированной рыночной экономикой, высоким уровнем духовной и материальной культуры, экологической и военной безопасности».

Согласимся с Н. М. Добрыниным в том, что «человек понимает право, трактует идею правового государства так, как это позволяет ему собственный разум, приобретенные знания, навыки и умения»^[3, с.2-7].

Соответственно, разработчики проекта Конституции Российской Федерации 1993 года не могли не воплотить в ее тексте собственных воззрений на понятие права и его места в жизни общества, соотношение государства и права и ограничения государства правом, а следовательно, и на связанную с изложенным проблему правового государства.

Ракурс исследования проблематики конституционных основ российского правового государства в связи с основными концепциями правопонимания является мало изученным, однако представляет значительный научный интерес.

Несмотря на многообразие концепций правопонимания, которые в целом выделяются в современной российской правовой науке различными исследователями, основными и наиболее влиятельными, на настоящий момент, видятся две — правовой позитивизм и либертарно-юридическая концепция.

Либертарно-юридическая концепция В. С. Нерсеянца, развиваемая в настоящее время рядом других ученых (Н. В. Варламовой, В. В. Лапаевой, В. А. Четверным и другими авторами), уделяет особое внимание принципу правового государства в его связи с реализацией в праве идеи свободы, равенства и справедливости. Например, В. С. Нерсеянец обосновал своеобразный научный подход, согласно которому только та властная организация может считаться государством, в которой реализованы фундаментальные правовые принципы свободы,

равенства и справедливости. В противном случае имеет место не государство, а деспотия. Следуя такой логике, не все государства современности или прошлого, которые позитивизм считает таковыми, ими действительно являются. Согласно базовому определению либертаристов, «государство — это правовая (т.е. основанная на принципе формального равенства) организация публичной власти свободных индивидов» [4, с.57].

Соответственно, если либертарно-юридическая научная теория признает какое-либо современное государство государством, тем самым она автоматически признает факт наличия в нем именно правового государства. В частности, В. С. Нерсесянц писал по этому поводу: «как правовая форма организации и осуществления публичной власти свободных людей любое государство (в меру развитости права и правовой культуры у того или иного народа на соответствующей ступени его социально-исторического развития) — в противоположность деспотизму как насильственной форме организации и осуществления публичной власти (в виде тирании, диктатуры, тоталитаризма и т.д.) — представляет собой правовое государство и в этом своем правовом смысле и определении входит в предмет философии права и юриспруденции прошлого и современности» [4, с.123].

При этом для либертарно-юридической концепции правопонимания, как и для многих позитивистских концепций, характерно противопоставление права и закона, мыслится возможным существование неправового закона или права вне его законодательной формы.

Ввиду наличия ощутимых противоречий в либертарно-юридической правовой концепции, в отечественной правовой науке сохранилась и весьма влиятельная тенденция рассмотрения феномена правовой государственности в точки зрения правового позитивизма, которая не спешит сдавать лидирующие позиции.

Например, с точки зрения правового позитивизма (нормативного правопонимания) рассматривает проблематику права и государства М. И. Байтин [5], которому принадлежит следующее определение правового государства: «правовое государство — это государство, пределы власти которого, формирование, полномочия, функционирование его органов регламентированы правом, это государство, высшее назначение которого состоит в признании, соблюдении и охране прав и свобод человека и гражданина» [6, с.95].

Ученик М. И. Байтина, Т. Н. Радько, отмечает, что «относить то или иное государство к числу пра-

вовых позволяет наличие ряда неотъемлемых качественных признаков. В первую очередь следует назвать господство права. Этот признак конкретизируется прежде всего верховенством закона, т.е. все важнейшие отношения в обществе должны регулироваться законами, а не другими правовыми актами. Закон должен быть основным юридическим документом, ему должны соответствовать действия органов власти, ему не должен противоречить ни один правовой акт, издаваемый уполномоченными на то субъектами протворчества» [7, с.207].

Таким образом, в рамках правового позитивизма право не противопоставляется закону, они рассматриваются, как сущность и ее форма. Соответственно, принцип правового государства не противопоставляется принципу законности, они взаимосвязаны и взаимообусловлены, одно не существует без другого. Иными словами, в по-настоящему правовом государстве немыслима ситуация, когда граждане могут не соблюдать Конституцию и законодательство под предлогом того, что они не соответствуют праву (являются «неправовыми законами»), что вполне возможно, если следовать либертарно-юридическому учению.

Таким образом, выбранная концепция правопонимания самым непосредственным образом влияет на понимание и концепции правового государства. С этой точки зрения важно осмысление того, какое понимание права заложено в действующей Конституции Российской Федерации 1993 года [8,9].

С одной стороны, наиболее очевидный путь ведет к тому, чтобы признать основой конституционного правопонимания позитивистскую научную картину мира, корни которой уходят в теорию естественного права. Такой вывод может быть сделан, исходя из анализа, в частности, текста части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

К этому же выводу склоняются и некоторые другие ученые. Например, В. В. Лапаева, последовательно отстаивающая в своих научных работах либертарно-юридический подход к пониманию права, считает, что «если оставаться в русле правового развития, заданного Конституцией (а иной подход означал бы девальвацию всех усилий и жертв последних десятилетий), то речь может идти лишь о выборе между естественно-правовым и либертарно-юридическим типами правопонимания» [10, с.10].

Однако менее очевидные выводы, не позволяющие однозначно судить о том, что главенствующую роль в доктринальных основах Конституции Российской Федерации играет естественно-право-

вая концепция, родственная либертарианству, следуют из анализа других положений Конституции, связанных с конкретизацией принципа правового государства.

Характеристика России как «демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления» представляет собой единственное прямое упоминание концепции правового государства в тексте российской Конституции (часть 1 статьи 1). Однако в других ее статьях принцип правового государства, по сути, конкретизируется и раскрывается посредством закрепления иных конституционных норм, непосредственно связанных с ним.

Внимание привлекает, прежде всего, следующий тезис: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы» (часть 2 статьи 15).

По сути, этим тезисом утверждается принцип законности, если понимать «закон» в широком смысле, как совокупности всех действующих нормативных правовых актов, в том числе Конституции, которая, как известно, к законам в узком смысле (как виду нормативных правовых актов) не относится, а представляет собой акт особой юридической природы.

Любопытно сопоставить действующую конституционную формулировку с одним из ее вариантов, который обсуждался в период разработки множества конкурирующих конституционных проектов. А именно, проект Конституции Российской Федерации, подготовленный Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации^[11], имел следующую важную особенность — наличие статьи, озаглавленной как «Верховенство права» (статья 3). Принцип верховенства права является краеугольным камнем всей концепции правового государства. Не случайно в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» принцип верховенства права прямо называется в качестве неотъемлемого атрибута правового государства. А именно, в решении сказано: «по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 19, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе

правового государства, право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права свободного и равного доступа к правосудию, осуществляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон, а также охрану их прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда»^[12]. В этом же документе принцип верховенства права еще более точно назван «императивом верховенства права» применительно к доктрине правового государства. А именно, Суд указал, что: «неправильное применение положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия».

Вместе с тем, хотя в действующей Конституции заголовки статей отсутствуют и формально статьи «Верховенство права» нет, содержание статьи 3 рассматриваемого проекта примерно соответствует содержанию статьи 15 Конституции Российской Федерации, за некоторыми нюансами.

В частности, в рассматриваемом проекте предполагалась следующая формулировка: «государство и его органы, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, общественные объединения, должностные лица и граждане подчинены праву и основанной на нем Конституции Российской Федерации».

По сути, проект в завуалированной форме противопоставлял право и Конституцию, поскольку предполагал, что возможна и конституция, не основанная на праве, т.е. в нем проводилась концепция возможности существования «неправового закона», в противовес концепции соотношения права и закона как сущности и формы, которая обосновывается в рамках правового позитивизма.

Не случайно основные положения естественно-правовой теории были положены в основу проекта Конституции РФ, который готовился Конституционной комиссией, о чем неоднократно писал секретарь Конституционной комиссии О. Г. Румянцев^[13, С.24–36].

Из сопоставления этого проекта и принятого окончательного варианта Конституции Российской Федерации видно, что при ее разработке вовсе

не случайно остановились именно на формулировке обязанности исполнения Конституции и законов. Указание на подчинение Конституции, основанной на праве, которое было в тексте рассмотренного проекта, при одном из его толкований может быть преподнесено так, что исполнение Конституции, не основанной на праве, вовсе не обязательно. При этом понятие права, как известно, остается довольно субъективным — ученые уже сотни лет не могут прийти к единому знаменателю по данному вопросу. А либертарно-юридическая теория ставит право в прямую зависимость от принципов свободы, равенства и справедливости, усиливая элемент субъективизма.

Подобный подход в перспективе способен обратить концепцию правового государства в нечто противоположное, создавая предпосылки для

правового нигилизма и соблюдения или несоблюдения действующего законодательства в зависимости от сиюминутных конъюнктурных мотивов.

Выбранная же в конечном итоге конституционная модель закрепления концепции правового государства основывается на принципе законности, неукоснительного соблюдения Конституции и законов, безотносительно из субъективной оценки конкретным индивидом. Только такой подход отвечает целям установления стабильного правопорядка и создания реальных, а не декларируемых, гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, действующая конституционная модель закрепления правовой государственности отражает выбор в пользу правового позитивизма, что в глобальной исторической перспективе представляется стратегически верным выбором.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Текст приветствия, размещенный на официальном Интернет-сайте Президента Российской Федерации, <http://kremlin.ru/events/president/letters/19804> (дата обращения-8 августа 2015 г.).
2. «Российская газета», № 115, 20.06.1996.
3. Добрынин Н. М. Конституционализм и правовое государство: теория и практика взаимосвязи // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3.
4. Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд. М., 2008.
5. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005.
6. Байтин М. И. Актуальные проблемы теории государства и права на рубеже столетий // Государство и право на рубеже веков. Проблемы истории и теории (Материалы всероссийской конференции). М., Институт государства и права РАН, 2001. С. 95.
7. Радько Т. Н. Теория государства и права. 2-е изд. М., 2009. С. 207.
8. Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания и положения Конституции РФ 1993 года // Научные труды РАЮН. В 3-х томах. 2009. Вып. 9 Т. 1. С. 1170–1172;
9. Четвернин В. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. Специальный выпуск. 2003. № 4 (45). С. 28–36.
10. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 10.
11. Проект Конституции Российской Федерации. Подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации: Документы и материалы. М.: Республика, 1993.
12. «Вестник Конституционного Суда РФ», № 6, 2013.
13. Овсепян Ж. И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции // Правоведение. 2001. № 5. С. 24–36.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Tekst privetstviya, razmeshchennyi na ofitsial'nom Internet-saite Prezidenta Rossiiskoi Federatsii, <http://kremlin.ru/events/president/letters/19804> (data obrashcheniya-8 avgusta 2015 g.).
2. 'Rossiiskaya gazeta', № 115, 20.06.1996.
3. Dobrynin N. M. Konstitutsionalizm i pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika vzaimosvyazi // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2012. № 3.
4. Nersesyants V. S. Filosofiya prava. 2-e izd. M., 2008.
5. Baitin M. I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov). M., 2005.
6. Baitin M. I. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava na rubezhe stoletii // Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov. Problemy istorii i teorii (Materialy vserossiiskoi konferentsii). M., Institut gosudarstva i prava RAN, 2001. S. 95.

7. Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava. 2-e izd. M., 2009. S. 207.
8. Palekha R. R. Integrativnaya kontseptsiya pravoponimaniya i polozheniya Konstitutsii RF 1993 goda // Nauchnye trudy RAYuN. V 3-kh tomakh. 2009. Vyp. 9 T. 1. S. 1170–1172;
9. Chetvernin V. Rossiiskaya konstitutsionnaya kontseptsiya pravoponimaniya // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie. Spetsial'nyi vypusk. 2003. № 4 (45). S. 28–36.
10. Lapaeva V. V. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika. M., 2012. S. 10.
11. Proekt Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Podgotovlen Konstitutsionnoi komissiei S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii: Dokumenty i materialy. M.: Respublika, 1993.
12. 'Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF', № 6, 2013.
13. Ovsepyan Zh.I. Razvitie nauchnykh predstavlenii o ponyatii i sushchnosti konstitutsii // Pravovedenie. 2001. № 5. S. 24–36.